

ВСТРЕЧИ С В. М. ДАЛИНЫМ

А. В. Гордон

Мне довелось видеть немало крупных историков. Не забуду сектор истории западноевропейских стран Института истории АН СССР в начале 60-х годов, когда в тесной комнате на ул. Дм. Ульянова 19 собирался цвет советской науки, известнейшие исследователи в этой отрасли исторического знания. Какие были имена! Какие люди! Увы, далеко не все одарили меня своим вниманием. Но среди немногих, кто это сделал, был Виктор Моисеевич Далин.

Я не стану пытаться рисовать его портрет и, тем более, давать объективный анализ его творчества. Кое-что в этом направлении уже сделано моими коллегами¹ (хотя, быть может, не так много, как хотелось бы). Их усилия облегчают мою задачу. В предлагаемых здесь неизбежно субъективных заметках будет представлена лишь одна грань личности В. М. – та сторона, которой он был обращен ко мне. Хотелось бы, может это и нескромно, представить общение с ним как встречи двух историков, одного – известного специалиста, признанного корифея и другого – начинающего, но уже поверившего в свое призвание.

Первая встреча произошла прекрасной для меня ленинградской весной 1958 г. Написав курсовую о революционном порядке управления 1793–1794 гг. (*Gouvernement révolutionnaire*), я почувствовал, что определяюсь как историк, обретая увлекательную тему для научных занятий. Однажды Я. М. Захер, который уже заметно выделял меня среди участников своего семинара, предложил «пойти послушать москвичей». «Москвичами» оказались А. З. Манфред и В. М. Далин, а поводом для их «десанта» на берега Невы – 200-летие Максимилиана Робеспьера. Доклад Манфреда был основным, очень личностным и потому особенно впечатляющим. У Далина самовыражение тоже присутствовало. В его докладе «Бабеф и Робеспьер» подчеркивалась политическая и моральная солидарность двух героев Французской революции (особенно в отношении революционно-демократической диктатуры). И, может быть, этой подчеркиваемой близостью персонажей своих исследований, которым они нескрываямо сопер-

---

¹ *Погосян В. А.* В. М. Далин // *Портреты историков: Время и судьбы.* Т. 2. М., Иерусалим, 2000. С. 416–424; *Исторические этюды о Французской революции. Памяти В. М. Далина (К 95-летию со дня рождения)* М., 1998.

живали, двое замечательных ученых символизировали собственное единение – творческий и человеческий союз, очень значимый для отечественного франковедения в 60–70-х годах, отразившейся и в моей научной судьбе.

Помнится, мое впечатление от услышанного было именно целостным: «как *они* говорили!». Попытаюсь объяснить, что означало в моей тогдашней оценке это «как». Прежде всего – красиво, вдохновенно, раскованно, с большим эмоциональным подъемом. Особо надо сказать о личностном аспекте моего восприятия. Благодаря своему учителю, а также из-за параллелей со сталинской диктатурой я не слишком симпатизировал якобинским лидерам, и юбилейные доклады не развеяли моих предубеждений. Но такова была сила убежденности докладчиков, что я невольно оценил ее и проникся к ней уважением.

Да, что я, двадцатилетний четверокурсник? Странное дело! Только что «разоблачен» культ личности. Собирается уцелевшее после бесконечных погромов научное сообщество особо «любимого» И. В. Сталиным города. Слышат откровенную, восторженную «реабилитацию» вождей диктатуры, опыт которой еще недавно использовался для оправдания авторитарной власти и массовых репрессий. И воспринимают положительно, с пониманием, благодарно. Героизация революции была явно востребованной, она помогала изживать глубокую душевную травму, позволяла верить в преодоление случившихся «извращений», политических и нравственных; и люди науки, тогдашние советские люди с отзывчивостью воспринимали талантливую защиту революционных идеалов, веру в их незамутненную чистоту.

Мне еще предстояло знакомство с широкой культурой Далина, его разносторонней образованностью, с тонкой и точной лабораторией его научной мысли. Но изначально и навсегда он остался для меня, прежде всего, представителем поколения историков, «делавших революцию» и своей научной судьбой попытавшихся соединить революции во Франции и России, юношей, увидевшим в перспективе Октября 1917 г. единство человеческого рода и оставшимся до конца верным однажды спетой «Гренаде».

Сотворенное Манфредом и Далиным торжество Французской революции на берегах Невы имело для меня и чисто личные последствия. Я смог убедиться в научной актуальности и общественной востребованности дела, которому собирался посвятить свою жизнь, а это очень помогло преодолеть короткий, но драматический отрезок времени, прежде чем я в полной мере смог заняться избранным делом. И этому способствовала моя вторая встреча с Виктором Моисеевичем.

Расставшись после окончания университета с любимым городом и любимым учителем, я очутился в Подмоскovie, с ворохом проблем, из которых меня особенно беспокоила перспектива занятия наукой. Правда, для меня открылись двери «Ленинки», и я лихорадочно штудировал источники

для статьи о «тюремном заговоре» (одном из обвинений на процессе эбертистов). Однако нужно было становиться профессионалом, а это означало поступать в аспирантуру. Не мысля другого занятия, чем история Французской революции, я мог надеяться лишь на Институт истории. Но пару долгих зим меня связывали с Институтом лишь открытки, которые присылали Г. А. Сибирева и И. И. Сиволап, приглашая меня на заседания групп по истории социальных идей и истории Франции.

Разумеется, «гранды» могли заметить мое присутствие, тем более что Я. М. Захер лично во время своего посещения Института с докладом меня рекомендовал. Но внимание уделил лишь Далин. Отзывчивость вообще представляла его характерную черту. Если Манфред был бесспорным лидером сообщества франковедов, Далин стал его душой. Сколько людей с разных концов страны к нему обращались, скольким он смог помочь хотя бы своим участием! Мне он явно симпатизировал, а, зная историю моего «завала» с аспирантурой в ЛГУ, сочувствовал. Впрочем, я не должен относить неизменную далинскую благожелательность лишь на личный счет. Дело было прежде всего в его отношении к Захеру.

Каким было это отношение или, точнее, что же это были за отношения? Двух ученых сближало нечто более глубинное, чем занятие общим делом или опыт Гулага; наверное, то была простая человеческая симпатия. Хотя оба были представителями одного, первого поколения советских историков Французской революции, их отношение и к революции, и к ее изучению заметно различалось. Будучи одним из первых популяризаторов Французской революции в СССР (его ранние книжки успели попасть в библиотеку В. И. Ленина в Кремле), Захер пришел в науку о революции зрелым, тридцатилетним человеком². Его профессиональная подготовка – это «русская школа» в лице Н. И. Кареева и Е. В. Тарле.

Французский Я. М. усвоил с раннего детства от гувернеров и настолько глубоко, что в начале обучения в Тенишевском училище мысленно переводил для себя с русского на «родной» французский. Захер был выходцем из очень обеспеченной семьи. Не знаю, как Я.М. стал членом партии. Его отец был не простым горным инженером (как указано в анкетах), а еще и видным управленцем. В грамоте, которую мне подарила внучка Я. М. Захера Инга Юрьевна, сообщается, что указом от 22 ноября 1916 г. Его святейшество правитель Монголии, желая отметить «полезную деятельность вице-директора Главного правления о-ва «Монголор» Михаила Вениаминовича Захера, награждает его орденом Эрдэни-Вачира «тусалакчи гунна» («графа второй степени», как перевел драгоман российского генерального консульства).

---

² См.: *Золотарев В. П.* Яков Михайлович Захер (1893–1963) // НиНИ. 1993. № 4 (см. также: *Портреты историков: Время и судьбы.* Т. 2. С. 334–344).

На всю жизнь, несмотря на мытарства и лишения, сохранялась у моего учителя любовь к комфорту, к вкусной еде и хорошему вину. Беседуя со мной за столом, он вспоминал о гостеприимстве Е. В. Тарле и о том, какие классные французские вина водились у Евгения Викторовича³. Квартира на Моховой 28, сведенная после революции от 8 комнат к отцовскому кабинету (30 кв. м.), оставалась в 20-х годах, несмотря на «подселенных»⁴, широко открытой. А. И. Молок (по словам его сына Флуранса Александровича), объясняя, почему суд был исключительно немилостив к Захеру (он оказался единственным осужденным по заведенному делу), указывал на откровенность и широту натуры Захера. Многие пользовались хлебосольством и гостеприимством ученого, в том числе те, кто отплатил доносами и показаниями против него.

Злоключения же самого Захера начались, как хорошо известно, именно с того, что он не хотел платить злом за добро, поступать против совести и участвовать в разоблачении Е. В. Тарле как «буржуазного историка-вредителя» во время «академического дела» 1930–1931 гг.⁵ С уважением говорил он о Тарле-ученом. Особенно моему учителю нравилась книга «Жерминаль и прериаль», которую он считал образцом историописания вообще.

Едва ли в 20-е и тем более 30-е годы Далин и Захер могли бы сблизиться. Тогда как Захера заставляли отмежеваться от Тарле «товарищескими проработками», газетным шельмованием и жестокими угрозами (увольнение с работы), молодой Далин совершенно добровольно и искренне критиковал академика. Боюсь, что в злосчастном 1931-м между Далиным и Захером возникло что-то вроде барьера, ведь партийное руководство сумело сполна использовать соперничество между Комакадемией (в системе которой работал Далин) и находившейся на берегу Невы «старой» Академией. А возглавил идеологический «погром», который был учинен среди ленинградских историков, тяготевших к Академии наук, доверенное лицо М. Н. Покровского, прибывший из Москвы Г. С. Зайдель⁶ (и это событие

---

³ Это замечание Захера вспомнилось мне, когда читал недавно описание К. И. Чуковским обеда у Тарле: «много прислуги», «три рабочих кабинета», «прислал за мной машину», «великолепный обед, с закусками, с пятью или шестью сладкими» и «великолепная, не смолкающая беседа Евгения Викторовича» (*Чуковский К. Дневник 1930–1964. М., 1969. С. 194*).

⁴ Кстати, по оценке падчерицы Я. М. Захера Л. Н. Русак, беседовавшей в конце 80-х или начале 90-х с одной из ранних «подселенных», отношения между ними и бывшими хозяевами оказались терпимыми и даже взаимоуважительными.

⁵ Подробнее см.: *Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 38–45.*

⁶ См.: *Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. М., Л., 1931.*

оказалось, увы, не единственной московско-ленинградской коллизией в советские времена)⁷.

Были тогда у Далина с Захером и внутривнутрипартийные расхождения. Если Виктор Моисеевич симпатизировал левым, то Захер был явно на стороне правых. Не случайно цитата из статьи Н. И. Бухарина «Цезаризм под маской революции» стала эпиграфом к одной из важнейших тогда работ учебного⁸. Разумеется, ему было близко революционное дело 1917 г., он разделял идеалы Французской революции. Однако Захер был далек от героизации революции и отождествления себя с персонажами, которых он изучал. Он бесспорно сочувствовал «бешеным» как жертвам репрессий, достаточно вспомнить проникновенную статью «Конец Жака Ру»⁹; но ни Жак Ру, ни Шометт, ни вообще кто-либо из левых революционеров, о которых он писал, не были его героями. На мой прямой вопрос Захер сказал, что более всего ему симпатичен Дантон своей естественностью жизнелюба и откровенностью честного человека, не впадающего в морализаторство (понятно, что это были камешки в героев, которых искренне почитали «москвичи» Манфред и Далин).

Хотя противоречия между «москвичами» и Захером носили в 50-60-х годах академический характер, они оставались существенными и явными. Вопреки редакционному нажиму, которому он поддавался при публикации своих работ, мой учитель так и не признал в полной мере демократического содержания якобинской диктатуры. По его мнению, в своем законченном виде это была бюрократическая структура и переворот 9 термидора знаменовал лишь падение Робеспьера; финалом же революции следовало считать или весну 1794 г., когда было разгромлено секционное движение, или более поздние даты, например, те же жерминаль и прериль III года Республики (1795).

Передо мной протокол заседания группы по истории Франции 19 декабря 1957 г. (из архива Я. М. Захера). Обсуждается доклад Захера о деятельности Жака Ру (видимо, упомянутая статья для «Французского ежегодника»). Выступает А. З. Манфред: «Все мы приветствуем выступление Я. М. Захера, т.к. его изучение «бешеных» выходит за пределы нашей

---

⁷ О событиях конца 40-х – начала 50-х см.: *Паниях В. М.* Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году // *ВИ.* 1993. № 10.

⁸ *Захер Я. М.* Французская революция в документах. 1789–1794. Л., 1926. На статью Бухарина Захер опирался в других работах, выступая против «термидорианских аналогий» в русской революции (см.: *Кондратьева Т. С.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993. С. 152–153). Впрочем, не следует забывать, что Бухарин был очень близким родственником Н. М. Лукина, любимого учителя Далина (и Манфреда).

⁹ Под знаменем марксизма. М., 1929. № 2–3. См. также: *Захер Я. М.* Последний период деятельности Жака Ру // *ФЕ.* 1958. М., 1959.

страны¹⁰. Много нового материала собрано. Но тон докладчика в отношении якобинской диктатуры неверен». Критику поддерживает Далин, который, не согласившись с оценкой политической платформы «бешеных» докладчиком, заявляет, что эта платформа была «ошибочной». «Она не стала идеологией плебейских масс, она была лишь вредна якобинской диктатуре».

Произошла оживленная полемика. Б. Ф. Поршневу: «Безусловно, всех очень смутили выступления гг. Манфреда и Далина. Неправильно было бы осуждать всякое выступление против якобинской диктатуры, ведь в недрах всякой буржуазной революции таится ее отрицание». Казаринов (очевидно, А. И. Казарин) : «Критика деятельности Робеспьера не снизит его роли в истории». Не согласился с замечаниями Манфреда и Далина Захер: «Всякий историк обязан становиться на точку зрения плебейских масс... и тех группировок, которые эту точку зрения отражали. Термин диктатура якобинцев для разных периодов революции должен быть расшифрован».

Завершая дискуссию, В. П. Волгин подчеркнул: «Многие вопросы истории «бешеных» еще не разрешены. Доклад не претендует на ответы по всем вопросам, а прения показали значительный интерес к докладу». Это было верно, но Вячеслав Петрович не отметил, что стержнем расхождений стала оценка якобинской диктатуры, отношения между якобинскими лидерами и народным движением. Разногласия между моим учителем и моими будущими руководителями проходили по той линии, которую во Франции широко и обстоятельно проследил Альбер Собуль¹¹, а у нас десятилетием позже очертил В. Г. Ревуненков.

Но, в отличие от полемики с Ревуненковым, воссоздавшей атмосферу 30-х годов, отношения между Захером и коллегами из Института истории сохраняли взаимную благожелательность. Более того, они развивались по восходящей. И большую роль здесь играл Далин, благодаря которому эти отношения приобрели особую душевную теплоту. Читая надпись на оттиске статьи «М. А. Жюльен после 9 термидора», сделанной 4 апреля 1961 г., как будто видишь добрую и милую далинскую улыбку: «Дорогому Якову Михайловичу à un “enragé” très paisible»¹².

Общее уважение к Захеру в секторе открыло мне двери аспирантуры Института истории, но помог и случай. 9 мая 1961 г. на заседании французской группы выступала С. А. Лотте. Б. Ф. Поршневу спросил ее, как обстоит дело в Ленинграде с молодыми кадрами по истории Французской революции. Ответ Софьи Андреевны звучал неутешительно: был у

---

¹⁰ Имелось в виду либо использование документов Национального архива Франции, либо, скорее всего, известность работ Захера и его самого за рубежом.

¹¹ *Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'An II. Histoire politique et sociale des sections de Paris. 2 juin 1793 – 9 thermidor An II. La Roche-sur-Yon, 1958.*

¹² «Очень кроткому “бешеному”» (франц.).

Я. М. Захера один «кадр», но его не взяли в аспирантуру, и он куда-то уехал. «Кадр» присутствовал. После заседания Борис Федорович подошел ко мне и сказал: «Я ничего не обещаю. Могут не дать место, могут быть конкуренты. Но раз Вас назвали “молодым кадром” и раз Яков Михайлович рекомендует, надо поступать».

Экзаменовали меня Поршневу с Манфредом, причем вопросы задавал первый. Помню, мы даже поспорили с ним относительно ленинских оценок якобинцев. Я говорил, что эти оценки были по преимуществу положительными до Октября и стали более критическими после 1917 г., Поршневу не соглашался. Эпизод запомнился по контрасту, непривычной для меня обстановкой, когда экзаменующие выясняют не объем памяти, а способности мыслить. Но первым оценку давал Далин, рецензируя мою дипломную работу «Падение эбертистов», представленную в качестве требуемого для поступления в аспирантуру реферата.

Отзыв начинался с указания на «ряд спорных положений», на то, что автор «недостаточно критически относится к эбертистам, недостаточно отделяет группу Эбера в собственном смысле этого слова от массового санкюлотского и секционного движения и его руководителей». Затем требование «критичности» оборачивалось в мою пользу. Далин писал, что источники использованы «очень тщательно и добросовестно, достаточно критически» и что «привлечение широкого круга источников, интенсивное их использование, знакомство с новейшей литературой вопроса, критическая мысль самого автора» позволяют сделать положительный вывод. И в этом выводе опять же подчеркивалась способность к самостоятельной работе.

Самостоятельность мышления, критичность к литературе и источникам исключительно много значили для Далина и были, несомненно, предметом его особой заботы. Меня, помню, удивила его рекомендация для выработки своего мнения проработать сначала источники, а потом читать литературу. Не знаю, от кого из своих учителей С. Н. Валка или Я. М. Захера, я воспринял прямо противоположный прием. Я не хотел «изобретать велосипед», открывая открытое, а за самостоятельность не беспокоился. Тем не менее, Далин ценил мою работу с источниками и при обсуждении одной из частей диссертации назвал меня «бенедиктинцем». Понятно, что в его устах это была исключительная похвала, и такая оценка больше характеризует самого Далина.

При всей благожелательности Далин никогда, однако, не отступал от критической позиции, и это подтверждает его отзыв на мою диссертацию, который он дал в качестве официального оппонента. Участие Далина в моей защите было закономерным. Ему хотелось завершить начатое дело, ведь все время моего аспиранства и особенно на первых порах, хотя научным руководителем был утвержден А. З. Манфред, Далин продолжал меня опекать. А вот мне хотелось избежать его участия в процедуре защиты. И,

чтобы объяснить свою позицию, придется, к сожалению, коснуться темной стороны научной жизни советской эпохи.

Вторая половина 60-х была временем борения полярных тенденций: еще продолжались идейно-теоретические поиски «шестидесятников», но уже явственно проступали «родимые пятна» реакции, включая антисемитизм. Наивно видеть тут только волю «верхов», инерцию идеологического режима, кадровые установки аппарата. Захер однозначно определил вставший при попытке моего поступления в университетскую аспирантуру «национальный вопрос» как «вопрос желудка» для некоторых преподавателей кафедры.

Зарплата вузовского преподавателя была существенно выше средней, а людей, на нее претендующих в таком городе, как Ленинград, и в таком вузе, как Университет, было значительно больше, чем требовалось. В этих условиях состязательность превращалась в дарвиновскую «борьбу за существование». Разумеется, и в советском обществе существовал естественный отбор способных к научно-педагогической работе. Он проявлялся в выборе крупным ученым наиболее подготовленного из своих учеников для поступления в аспирантуру. Но выбор ученого корректировался средой, критерии которой зависели от состава самой среды, от политической и идеологической ситуации в стране, и далеко не всегда совпадали с выбором ученого.

Меняясь в зависимости от ситуации, в советском обществе действовали особые правила отбора, определявшие группы «желательных» и «нежелательных». В послевоенные годы категория «еврей» сближалась по своему полуофициальному значению с категориями «дети врагов народов» или «кулак» предвоенных лет и действовавшей еще раньше категорией «бывших» (дворян, священников). Наряду с «плохим» происхождением, препятствием на пути к научно-педагогической деятельности могли стать «пребывание на оккупированной территории», «связи с границей», «неучастие в общественной работе»¹³, беспартийность.

Трюизмом сделались суждения о мутной волне низменных человеческих страстей, поднимаемой революционными событиями. Ради исторической справедливости и как очевидец должен заметить, что реакция, политическая или идеологическая, торжествующая или оппозиционная, на коллективном или индивидуальном уровне не отличается моральной чистотой. В 60-х реакция дышала личными обидами, статусной ущемленностью, подспудными ощущениями нереализованности и несостоятельности, а больше

---

¹³ После меня по этой «статье» (не ездил в колхозы, не был на целине) при приеме в аспирантуру «завалили» моего однокурсника, яркого, талантливый и очень эрудированный. Свой научно-педагогический потенциал ему пришлось раскрыть, увы, не на родной кафедре, а в Новгороде, где теперь он – доктор исторических наук, профессор – много лет руководит университетской кафедрой.

всего элементарной завистью. Типичный случай – отношение к моим научным руководителям. Манфред и Далин были не просто талантливыми людьми; их неординарность слишком выделялась по контрасту с незаметностью и тех, у кого таланта попросту не было, и тех, кто приучился скрывать его наличие. Особенно раздражали завистников признание Манфреда в «официальных инстанциях», подчеркнуто уважительное отношение к нему директора В. М. Хвостова, ведущее положение в Институте. А его зарубежные поездки буквально кололи глаза: не случайно китайцы называют зависть «болезнью красных глаз». В тех же глазах могло показаться отнюдь не случайным, что научный руководитель, старший оппонент и диссертант относятся к одной и при том «не той» национальности¹⁴.

Со вторым оппонентом все было в порядке. На тот случай, если бы не смог вырваться в Москву В. С. Алексеев-Попов, был А. В. Адо, который выражал не только готовность, но и желание стать оппонентом. При том отзыв, который он написал от ведущей организации, очень тронул меня и своей содержательностью, и своей прочувзованностью (Анатолию Васильевичу удалось лучше всех тогда выразить понимание сложности задач, которые я поставил перед собой). Проблема была с Далиным; и Манфред в ответ на мои опасения предложил мне самому поискать старшего оппонента, откровенно усомнившись в успехе.

По совету Алексеева-Попова, разделявшего мою озабоченность, я обратился к А. В. Ефимову. Алексей Владимирович был влиятельным человеком, член-корреспондентом АН СССР; будучи американистом, он основательно занимался и Французской революцией¹⁵. Его интересы в этой области подтвердились спустя два года, когда он принял участие в знаменитом симпозиуме по проблемам якобинской диктатуры¹⁶. Однако тогда Ефимов сослался на плохое знание новейшей литературы при наличии спорных проблем. Видимо, как резюмировал Манфред, член-корр. осторожноничал: признание «спорных проблем» отдавало скандальностью, и многие бывалые люди их избегали. Еще не ясно было, не выльется ли дискуссия, начатая В. Г. Ревуненковым в 1966 г., в идеологическую кампанию на известный манер.

Приходилось учитывать и новый момент. Хотя Далин не был затронут в ревуненковской критике Манфреда, я несколько не сомневался, что в лю-

---

¹⁴ В. П. Смирнов вспоминает, как при его докторской защите в начале 70-х годов, коллеги предупреждали, что принадлежность всех трех оппонентов к «еврейской национальности» может отразиться на результатах.

¹⁵ См.: *Ефимов А. В.* Французская буржуазная революция XVIII века. М., Л., 1939. К сожалению, об этой стороне научной биографии Ефимова не говорится в обстоятельном очерке Р. Ф. Иванова. – См.: *Портреты историков: Время и судьбы.* Т. 2. С. 369–381).

¹⁶ См.: *Проблемы якобинской диктатуры* // ФЕ. 1970. М., 1972. С. 284–288.

бой дискуссии он не отступит от поддержки друга. И оппонентом стал Виктор Моисеевич. На него выпала первая роль при защите, и случилось, что она стала заглавной. Перед самой защитой Манфред уехал в подмосковный санаторий. В Институте мне настоятельно порекомендовали упрощить его приехать на заседание Ученого совета, ведь он был председателем соответствующей секции. Альберт Захарович, как будто прочувствовав мое тайное настроение, отказался. Он выразил уверенность, что замещающая его Г. Н. Горошкова справится со своим делом и придаст заседанию нормальный характер.

Когда сочувствовавшие мне коллеги спросили, кто же меня теперь будет защищать, я довольно бодро ответил: оппоненты. Однако, получив отзыв Далина, я был несколько обескуражен соотношением комплиментарных и критических оценок. Сославшись на складывавшуюся против Манфреда ситуацию, я откровенно сказал, что достоинства работы следует раскрыть более обстоятельно. Но на официальный письменный документ, отправленный в ВАК, ни мое заявление, ни «ситуация» не повлияли. Отзыв остался неизменным.

Кроме положительного вывода, который почти воспроизводил далинское заключение о моем реферате при поступлении в аспирантуру (привлечение широкого круга источников и литературы, критический анализ, способность к самостоятельной работе), в отзыве о диссертации были три части. На целой странице (из 4) перечислялись использованные источники. Еще больше места занимало изложение «спорных положений», из которых наиболее важным было: «придание слишком большой определенности» массовым настроениям в пользу «регулируемой экономики» и «исключительного режима». Заслуживает внимания сделанный мне упрек в недооценке колебаний Робеспьера накануне антижирондистского восстания (позиция Манфреда была прямо противоположной: он считал, что я преувеличил «легализм» якобинских лидеров).

Правильным и убедительным оппонент признавал обоснование, что именно «народная поддержка дала возможность якобинцам, несмотря на их известную буржуазную ограниченность и колебания, преодолевавшиеся благодаря «плебейскому натиску», успешно решить основные задачи революции». В этом же абзаце сжато отмечалась новизна: роль Центрального комитета секций в восстании 31 мая – 2 июня, освещение федералистского мятежа и сводная оценка требований городской и деревенской бедноты в марте-сентябре 1793 г.

Выступление на защите, состоявшейся 26 марта 1968 г., воспроизвело эту схему: документальная база, «спорные положения» (подробно обо всех), новизна. Драгоценным дополнением были упоминание о моей академической «родословной» (от Я. М. Захера к Н. И. Карееву, причем Да-

лин отметил, что я преодолел свойственное учителю преувеличение роли «бешеных») и пассаж о «бенедиктинстве»¹⁷.

Главное сейчас не это. Горжусь, что на защите моей кандидатской Далин произнес одну из самых блестящих речей, мною слышанных и от него, и вообще на защитах. Собственно, защита стала хорошим поводом. Далин говорил о революции, о значении якобинизма, вспоминал дорогие ему имена ученых, пространно с удовольствием, обращаясь к собственному опыту, описывал источники. Он формулировал собственные взгляды на историческое исследование, на научное творчество, на историографию. Говорил, как обычно, с подъемом, все более и более увлекаясь. Можно сказать, что это было программным выступлением, при том воистину вдохновенным. В ударных местах тенорок Виктора Моисеевича звенел колокольчиком, таким веселым, молодым, радостным, что верилось: все тучи на горизонте должны рассеяться.

Защита, действительно, прошла великолепно, только один бюллетень оказался недействительным. Недоброжелатели Манфреда слегка отыгрались на утверждении ее результатов «большим» (общеинститутским) советом: два «против» и два недействительных. Вскоре наши отношения с Далиным подверглись, однако, испытаниям уже межличностного характера.

Первое связано с упомянутым симпозиумом. Я изначально был раздосадован полемикой, начатой В. Г. Ревуненковым¹⁸. Лучше многих я понимал сложность выдвинутых проблем и лучше других я знал, что автор книги «Марксизм и проблема якобинской диктатуры» был новичком в занятиях Французской революцией. Стремление «подвести черту» «под теми спорами о якобинской диктатуре, которые идут среди историков-марксистов уже давно»¹⁹ представлялось мне не просто амбициозным, но опасным. И самое серьезное, я не увидел в книге новых теоретических идей²⁰.

Поэтому, завершая диссертацию «Установление якобинской диктатуры», я не счел необходимым анализировать концепцию Владимира Георгиевича и ограничился упоминанием его книги в списке литературы. По-

---

¹⁷ К счастью, у меня сохранились не только письменные отзывы, но и стенограмма заседания секции ученого совета по всеобщей истории Института истории, на котором происходила защита. Далин говорил: «У автора широкая база. По любви к фактам его можно отнести к касте бенедиктинцев. Это, безусловно, привлекает. Но А. В. Гордон, кроме этой способности, чрезвычайно ценной для историка, обладает стремлением к обобщениям, пылливо ищет концепции, схемы».

¹⁸ См. ниже статью С. Е. Летчфорда.

¹⁹ Ревуненков В. Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966. С. 145.

²⁰ Я стараюсь воссоздать по сохранившимся материалам, включая 3 (!) варианта резюме книги Ревуненкова для изданий ФБОН, свою первоначальную позицию. Ретроспективную оценку значения его работ 60-70-х годов я сформулировал в статье «Десталинизация Французской революции». – См.: Россия и Европа. Вып. 2. Дипломатия и культура. М., 2002 (в печати).

хоже, мое желание уйти от полемики разделяли В. М. Далин, В. С. Алексеев-Попов (хотя он и дал рецензию для издания книги Ревуненкова), А. В. Адо. Во всяком случае, никто из них в отзывах о моей диссертации не упоминал Ревуненкова. Да, кое-кто ожидал другого развития событий. На следующий день после защиты Алексеев-Попов был у А. Л. Нарочницкого, и симпатизировавший Ревуненкову главный редактор «Новой и новейшей истории», осведомившись об итогах, уточнил: вы там, небось, все «полоскали» ленинградского профессора? Вадим Сергеевич, по его словам с удовлетворением, отвечал, что даже не упоминали.

Однако за книгой стали выходить статьи Ревуненкова, его аргументация расширялась, а обвинения в адрес Манфреда ужесточались. Эти выступления получили общественный резонанс, что свидетельствовало о востребованности полемики в идеологической ситуации начала 70-х годов, причем востребованности различными направлениями политизированной интеллигенции. На этом фоне определилось желание включиться в дискуссию среди специалистов. Мне вспоминается эволюция Адо, с которым мы сблизились в это время. Анатолий Васильевич стал энергично оспаривать мою позицию «невмешательства», указывая на научную значимость поставленных вопросов и на то, что, хотя автор не специализировался в области революции, книга написана опытной и умелой рукой профессионального историка.

Итак, в мае 1970 г. состоялся симпозиум по якобинской диктатуре. Я взялся написать отчет для «Вопросов истории». Меня привлекала профессиональная задача: хотелось испытать (и показать) свои навыки в жанре аналитического обзора, который формировался тогда в ФБОН-ИНИОН и образцы которого я уже публиковал в этом журнале. Была и сверхзадача. Я все-таки хотел провести свою установку: надо не спорить с Ревуненковым, а обсуждать затронутые им вопросы. Мой отчет и представлял сводку затронутых вопросов с изложением позиций участников.

У меня хранится письмо от 18 июня 1970 г. Г. С. Кучеренко (который присутствовал на симпозиуме, но воздержался от выступления), где он категорически предостерегает меня: «предложенный “проблемный” метод подачи материала может встретить возражение издателей и даже породить протесты авторов (их де неточно поняли, нарушена “сбалансированность” частей, выпячены места, которым они сами придают несколько иное значение и пр.)» Геннадий Семенович предлагал ограничиться сокращенной стенограммой и заверить ее подписями выступавших.

Я, однако, оказался слишком самоуверенным. События, впрочем, развивались не по сценарию Кучеренко. Отчет понравился в редакции журнала. Недовольными оказались «заказчики». Мой опус при откровенном поиске «парламентских» выражений не сглаживал острые углы. Обосновывая задачи симпозиума, я писал о «критической волне в адрес якобинской дикта-

туры» (цитирую по сохранившейся рукописи) и о том, что появление работ В. Г. Ревуненкова «ярко продемонстрировало» «различие точек зрения среди историков-марксистов, в том числе советских ученых». В итоге «возникла необходимость выяснения и сопоставления позиций различных советских историков как отправного пункта для дальнейших исследований и ориентации преподавания в высшей школе».

Были «стрелы» в адрес Ревуненкова: «Характеризуя социальную политику якобинцев, В. М. Далин, А. В. Адо, А. В. Гордон указывали на те особенности ее, которые не учитываются в должной мере В. Г. Ревуненковым, когда он утверждает, что якобинская диктатура была не революционно-демократической, а “буржуазной диктатурой”», «вызвала возражения попытка разделения террора на “якобинский, правительственный” и “народный”, “спонтанный”», «Т. Г. Салтановская выступила против негативной оценки Марата, данной В. Г. Ревуненковым».

Были и замечания (еще более аккуратные) в адрес Манфреда, касавшиеся отношений внутри якобинского блока. «Напомнив об остроте внутренней борьбы, С. Л. Сытин высказался против переоценки фактора единства, отразившейся, по его мнению, в некоторых работах А. З. Манфреда. Социальная политика якобинцев, “равнодействующая” (С. Л. Сытин, А. В. Адо) классово разнородных сил не могла не быть противоречивой. Эгалитаризму сопутствовало “антиуравнительное начало” (А. В. Адо). Террор задевал и массы, бил по радикальным представителям народного движения (Л. С. Гордон и др.)».

Манфред был крайне разочарован, найдя, что в таком изложении симпозиум выглядит ненужным²¹. Он предложил дополнить отчет заключительным абзацем о несогласии участников с позицией Ревуненкова. Я возразил. Тогда вмешался присутствовавший при разговоре Далин. С обычной, чуть застенчивой улыбкой он предложил: «Саша, будьте якобинцем». «Не хочу», – отвечал я без улыбки. Тем не менее, я сообщил в редакцию А. С. Гроссману о пожелании Манфреда. Результат оказался плачевным. Редакция «Вопросов истории» заменила мой отчет безликой информацией о состоявшемся мероприятии.

Второе столкновение произошло в конце 70-х годов из-за Ричарда Кобба. В обострившейся идеологической ситуации 70-х годов этот английский историк, наряду с Фюре и Леруа-Ладюри, был признан у нас ярким примером отхода от марксизма и наступления реакции в западной историогра-

---

²¹ В сущности, Альберт Захарович был недоволен самим ходом симпозиума, о чем он говорил мне после первого заседания. Тем не менее, во «Французском ежегоднике» (главным редактором которого был Манфред) точки зрения участников представлены в полном виде. Эта демонстрация различия мнений и уважения к ним явилась примечательной в условиях уже начавшегося «застоя».

фии²². Далин, видимо, хотел серьезно разобраться в «феномене» Кобба, поскольку тот в 50-60-х годах входил в небольшую группу зарубежных исследователей (А. Собоуль, Дж. Рюде, В. Марков), с которыми у советских историков Французской революции поддерживались товарищеские отношения. Их официально называли «прогрессивными», а это означало, что своими работами они символизировали рост влияния теории марксизма и идей социализма.

В большой аудитории на третьем этаже здания на Дм. Ульянова Далин прочел предназначенный для «Вопросов истории» доклад о Коббе, где без излишних идеологических обертонов и особо навязчивых штампов обстоятельно разобрал факт его «отступничества». Однако я не мог отступить от Кобба. Остаюсь навсегда благодарным этому человеку, которого никогда не видел, за ту душевность, которую он проявлял в письмах к Захеру, за моральную поддержку, которую он оказывал моему учителю в пору его испытаний старостью, болезнями, жилищной проблемой, отчужденностью со стороны университетских коллег²³, издательскими мытарствами.

Отношение Кобба к Захеру явилось главным провоцирующим фактором моего выступления. Кроме того, я чувствовал идейную и методологическую близость Кобба в том, что за «народными массами» он стремился разглядеть простых людей, за революционной героикой – многообразие форм их активности, включая девиантное поведение, за классовой борьбой – межличностные и групповые конфликты, повседневные нужды и главное – извечную заботу о хлебе насущном, борьбу за существование. Пожалуй, в позиции Кобба периода «второго самоопределения» («second identity»)²⁴, когда он позволил себе открыто изложить свои творческие и жизненные установки, меня привлекало как раз то, что вызвало неприятие Далина.

В переполненной аудитории, что характеризовало очевидный интерес к докладу, я защищал Кобба, кажется, в полном одиночестве. Надежды на поддержку Адо не оправдались. Сравнивая работы «первого» и «второго» Кобба, я доказывал их внутреннее единство. В ответ Анатолий Васильевич только упорно твердил: «Нет, что-то произошло». Единственным человеком, который ко мне прислушался, был А. Я. Шевеленко. Он подсел ко

---

²² См.: Манфред А.З. Некоторые тенденции зарубежной историографии // Коммунист. 1977. № 10.

²³ Преподававший на кафедре новой и новейшей истории в те годы историю южных и западных славян Василий Никитич Белановский, по воспоминаниям его вдовы Татьяны Дмитриевны, постоянно возмущался отношением коллег к Я. М.: к нему редко кто подходил, почти никто с ним не разговаривал. На похоронах Захера с истфака был лишь один человек – сам В. Н. Белановский («Ну так он же был дворянином», – прокомментировал знавший Белановского благодаря отцу Ф. А. Молок).

²⁴ Использую название книги, которую по преимуществу цитировал Далин. См.: Cobb R. Second identity: Essays on France and French history. L., 1969.

мне после заседания и подробно пораспросил. Шевеленко работал в «Вопросах истории», и его расспросы кончились тем, что редакция отвергла статью под надуманным предлогом: дескать, неизвестно отношение Кобба к вступлению советских войск в Прагу. Своим несогласием с Далиным я опять сыграл роль «терминатора».

К счастью, далинский доклад увидел свет в виде очерка «Пути и перепутья Ричарда Кобба» в известной франковедческой книге²⁵. Перечитывая этот очерк спустя 20 лет, я нахожу его замечательным и одним из наиболее ярких в «Историках Франции». Благодаря историографической добросовестности автора, тому, что он не подменил анализ привычным для той поры навешиванием ярлыков, методологические установки Кобба представлены очень выпукло. Фактически в очерке, если элиминировать ригоризм с одной стороны и эпатаж с другой, отчетливо различимы две научные позиции: классовый подход, общепринятый в советской историографии (не случайно Далина в его критике Кобба поддержал Адо²⁶), и то, что теперь называется «историей повседневности» и развивается как одно из направлений отечественной исторической науки.

А книгу «Историки Франции XIX–XX веков» я получил с дарственной надписью автора: «Дорогому Саше в память об его учителях Якове Михайловиче и Альберте Захаровиче и с самыми добрыми пожеланиями. Декабрь 1981 г.». Хотелось бы именно в этом месте заявить об уважении Далина к иной позиции, к ее принципиальному отстаиванию. Но, сколько не роюсь в памяти, не нахожу хотя бы следа неприязни или огорчения, которые бы выразил он в связи с нашими разногласиями. Зато можно уверенно говорить об уважении Далина к инакомыслию на примере Кропоткина, очерк о котором также считаю украшением книги.

Творчество П. А. Кропоткина оказалось местом нашей самой плодотворной встречи с В. М. И это не эмоциональный эпитет, а историографический факт²⁷ (и даже событие, поскольку при «застое» советские книги по Французской революции были редкостью). Весной 1976 г. Далин предложил мне принять участие в издании «Великой французской революции».

---

²⁵ См.: Далин В. М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 129–150. Первая публикация называлась «О новых работах Ричарда Кобба». См.: ФЕ. 1973. М., 1975.

²⁶ См. рецензию А. В. Адо: НиНИ. 1982. № 5. С. 181. Более основательно свое отношение ко «второму Коббу» Адо изложил в статье «Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII века» (см.: Социальные движения и борьба идей. М., 1982. С. 53–54).

²⁷ Кропоткин П. А. Великая французская революция. 1789–1793. М., 1979. Никто из нас не удосужился «организовать» рецензию на это издание; но о высокой оценке свидетельствуют сохранившиеся письма ко мне А. В. Адо и С. Л. Сытина и, кроме того, перепечатка статьи Далина, а также наших со Старостиным примечаний в немецком издании (Kropotkin P. A. Die Große Französische Revolution 1789–1793. Bd. 1–2. Leipzig; Weimar, 1982).

Основную роль играл Е. В. Старостин, который, кстати, сохранил самую добрую память об этом сотрудничестве и самые нежные воспоминания о самом Далине. Старостин к тому времени уже более 10 лет занимался темой, посвятил ей главу кандидатской диссертации и статью во «Французском ежегоднике»²⁸. И то, и другое было высоко оценено Далиным, и все же в качестве ответственного редактора он хотел подстраховаться, используя мою специализацию. Неплохой пример отношения к изданию памятников! Всецело полагаясь на Евгения Васильевича в текстологической работе, Далин добивался, чтобы и примечания были на высоте – на уровне новейшей историографии Революции. В. М. ценил этот род научной работы, хорошо его знал (достаточно вспомнить о комментариях к изданию текстов Марата²⁹) и любил. Здесь наши научные вкусы и установки полностью совпадали, хотя методологические различия сохранялись.

Вспоминается, как очень трогательно, чисто по-далински он сформулировал свое предложение о сотрудничестве: «Саша, у меня есть к Вам большая просьба» и затем, не излагая сути просьбы, «только я очень хочу, чтобы Вы не отказывались». Я не отказался, и так увлекся Кропоткиным, что предложил включить в издание в дополнение к далинской «Кропоткин – историк Великой французской революции» (перепечатанной в «Историках Франции») свою параллельную статью. Мой пыл охладил редактор Ю. И. Хаинсон, для которой работы Далина были высшим образцом исторического исследования. По тону моих примечаний Юлия Исааковна почувствовала, что «параллели» могут стать «перпендикулярами». «Вы только спорить будете», – предположила она.

Думаю, что она ошибалась. Так же, как своими примечаниями я стремился, не оспаривая позицию Кропоткина, создать современный историографический контекст к его труду, я хотел предложить параллельный текст к далинской статье. Далин отправлялся от источника, от переписки Кропоткина с Дж. Гильомом, и прав Адо: в статье замечательно выразилась особенность «творческого почерка» Далина, его умение «от новых, казалось бы, частных фактов, документов, архивных находок» идти «к постановке более широкой, значительной проблемы»³⁰. А я бы пошел от историографии, попытавшись показать, какое место в ней занимает концепция Кропоткина.

Спорить мне бы пришлось не с Далиным, а с самоцензурой. Следовало рассказать о влиянии Кропоткина на тех, кто изучал революцию «снизу», а

---

²⁸ Старостин Е. В. К истории изучения П. А. Кропоткиным Великой французской революции // ФЕ. 1967. М., 1968.

²⁹ Марат Ж. П. Избранные произведения. Т. 1–3. М., 1956. В этом «звездном» издании, кроме Далина, участвовали В. П. Волгин и А. З. Манфред в качестве составителей и профессор Сергей Борисович Кан в качестве переводчика.

³⁰ НиНИ. 1982. № 5. С. 181–182.

значит, и на моего учителя, и на Соболю, которое они по политическим или идеологическим причинам отвергали. В близости к Кропоткину признавался лишь все тот же Кобб³¹. И здесь поучительно сопоставить далинское отношение к двум историкам. Предубеждение Кропоткина к государственной власти – хрестоматийный факт, его оценки Робеспьера, Бабефа, якобинской диктатуры и «движения равных» ничуть не благожелательней, чем у Кобба. Аналогично у обоих предпочтение вождям и героям революции «неизвестных», безымянных ее участников. Но, в отличие от Кобба, Кропоткин верил в революцию и дал высокую оценку исторического значения того события, которое он заключил в хронологические рамки 1789–1793 гг.

Похоже, это и определило столь жесткое различие в восприятии Далиным Кропоткина и Кобба? Для выражения своего отношения к русскому историку-революционеру он нашел безупречную, с точки зрения научной этики, позицию. Высказав сожаление, В.М. написал о неприятии Кропоткиным марксизма и в таком же тоне о других расхождениях в подходах к революции. Далин поддержал позицию Старостина об издании Кропоткина без купюр, которых требовала советская идеологическая цензура. В результате «Великая французская революция» оказалась первым кропоткинским изданием с 20-х годов, увидевшим свет в оригинальном виде.

Вскоре мы со Старостиным написали статью о Кропоткине, основываясь на его маргиналиях к «Социалистической истории» Жореса. Думаю, это было сделано неплохо и, можно сказать, «по-далински». Был введен в оборот архивный источник и использован на все 100%: от анализа частного документа нам удалось перейти к серьезной историографической проблеме, впервые на конкретно-историческом уровне сопоставив концепции двух классиков XX в.³² С понятным удовлетворением я докладывал о результатах этой работы на заседании, посвященном 85-летию Далина в Институте всеобщей истории.

Прямым исполнением далинского завета стала публикация текстов Сен-Жюста в серии «Литературные памятники». Судьба этого памятника оказалась на редкость драматичной, вместив смену людей, поколений и даже исторических эпох. За несколько лет до смерти Далин предложил мне участвовать в издании Сен-Жюста («Саша, у меня есть к Вам большая просьба. Только я очень хочу, чтобы Вы не отказывались»). Ответственность за издание перешла к Далину от Манфреда, и Альбертом Захаровичем оно было заявлено под названием «Сен-Жюст. Речи». Когда ответственность перешла от Далина ко мне, я решил дополнить речи и доклады хорошо из-

---

³¹ См. например: АНRF. 1963. № 173. Р. 378.

³² См.: Гордон А. В., Старостин Е. В. Кропоткин читает Жореса // Россия и Великая французская революция. М., 1989.

вестного у нас деятеля революции его малоизвестными для нашего ученого сообщества трактатами, которые гораздо более полно раскрывают интеллектуальный облик якобинского лидера.

Однако вначале проблема была в моей собственной занятости, и «толчком» издания стал Дмитрий Владимирович Ознобишин, который периодически будоражил меня телефонными звонками: «Je suis Saint-Just» («Это – Сен-Жюст»). Затем возникла проблема коммуникации. Переводчики работали в северной столице, Т. А. Черноверская редактировала в Новосибирске, а я, находясь в Москве, объединял и координировал их усилия.

Гораздо более серьезной проблемой оказалось, однако, то, что случилось тем временем со страной. Финансовые трудности Академии наук и ее издательства, с одной стороны, антиреволюционный психологический климат, с другой («Зачем нам якобинцы?» – слышал я и в издательстве, и в редколлегии серии), привели к тому, что готовая работа пролежала несколько лет без движения. Угрозу, нависшую над изданием, отвела солидарная поддержка многих хороших академических людей. Некоторых из них мне бы хотелось здесь с благодарностью упомянуть, ибо мы все способствовали выполнению далинского завета.

Полную и активную поддержку оказывала сменившая Д. В. Ознобишина в должности ответственного секретаря серии Инна Григорьевна Птушкина, решение о публикации было принято при участии Дмитрия Сергеевича Лихачева и энергичном содействии Николая Ивановича Балашова и Бориса Федоровича Егорова, наконец, все могло рассыпаться, если бы не заведующая отделом издательства Нина Александровна Никитина. Особо упомяну ученицу и многолетнюю сподвижницу Далина Галину Сергеевну Черткову, написавшую отзыв для издательства и переживавшую все перипетии издания. Горжусь, что это многострадальное издание, к прохождению которого приложили руки да еще вложили душу столько людей, увидело свет³³.

Последняя прижизненная встреча с Далиным состоялась в конце 1983 г. В. М. попросил придти, сказав, что хочет подарить мне книгу. И вот второй раз я на Кутузовском. Вхождение в дом напоминало ритуал: «Саша, я очень извиняюсь, но должен попросить Вас снять обувь». Почти торжественно мне были вручены некие шлепанцы, и вот я в некотором недоумении вступаю в кабинет. Далин берет заранее приготовленную книгу и вручает мне. Все! Не помню, о чем был разговор. Ничего значительного, тем более прощально-завещательного. Тоже с книгой – «Дантон» Луи Мадлена, скромное издание начала Первой мировой войны. Далекий от меня автор, неблизкий, как и все «герои», персонаж.

---

³³ *Сен-Жюст Л. А. Речи. Трактаты.* СПб., 1995.

Грех мой, я только сейчас понял, что все дело в надписи. Кажется, что и читаю ее я впервые: «Дорогому Саше в память об его учителях. 11.XI.83». Элементарный аналитический прием: сопоставляя с надписью на книге «Историки Франции», вижу различие – отсутствие имен. Не означает ли этот пропуск, что Далин писал обо всех моих учителях и как бы от их имени, включая в их число себя? Наверное, ему хотелось, ненавязчиво, по-далински сообщить мне, как он надеется на отклик с моей стороны, на мою благодарную память.

Эти строки, однако, не просто долг памяти. 100-летие Виктора Моисеевича и предложение редакции «Французского ежегодника» написать воспоминания побудили меня осмыслить, кажется впервые, бесценность моего общения с Далиным. Его оптимизм и его жертвенность, вера в идеалы и верность избранному делу – это уроки большой и трудной жизни. Уроки добрые и мудрые, которые по-хорошему воодушевляют и по-старинному научают.